

ЖИВЫЯ ДУШИ.

ОЧЕРКЪ

нравственныхъ силъ современной Россіи.

III.

Лѣсна.

Игуменіи знаменитаго Лѣснинскаго монастыря, м. Екатери́нѣ, я представился въ Вировѣ и здѣсь—что входило въ мои планы—получилъ отъ нея приглашеніе посѣтить Лѣсну.

Возвращаясь изъ Вирова, я съ своимъ спутникомъ со станціи Сѣдлецъ свернулъ на Варшаву. Не было силъ отказать себѣ въ удовольствіи полюбоваться на „столицу“ Польскаго края, расположившуюся на берегахъ Вислы. Съ особымъ вниманіемъ разсматривали мы здѣсь старинные католическіе костелы и новый, еще только отстраивающійся внутри, православный соборъ.

Изъ Варшавы мы проѣхали назадъ, за Сѣдлецъ, до ст. Бѣлы, находящейся въ 12 верстахъ отъ Лѣснинскаго монастыря. Было не особенно пріятно оказаться въ незнакомомъ уѣздномъ городкѣ въ началѣ темной осенней ночи. Но насъ дожидались лошади изъ Лѣсны. Быстро промелькнули мигающіе огоньки еврейскаго городка и мы погрузились въ мракъ, который на небольшое пространство разгоняли экипажные фонари. Раза два въ ихъ свѣтѣ, какъ во снѣ, померещились крестьянскіе воза, сейчасъ же оставшіеся позади. Дорога, особенно во второй половинѣ, была очень тяжела. Въ Лѣснинскій монастырь мы прибыли около 11 часовъ ночи. На вопросъ кучера, куда насъ подвести, мы отвѣтили, что

самое лучшее—къ гостинницѣ. Но, какъ бы раскаиваясь въ минутномъ искушеніи, онъ тутъ же добавилъ: „нужно спросить у матушки“. Едва мы подъѣхали къ домику, гдѣ находилась матушка, и ей доложили о насъ, какъ сейчасъ же мы услышали ея голосъ: „конечно, сюда, сюда“. Вслѣдъ за нею мы вошли въ столовую, гдѣ былъ готовъ для насъ ужинъ...

Разумѣется, это прежде всего мелкая подробность изъ путевыхъ впечатлѣній, которую съ удовольствіемъ вспоминаешь. Но этой мелкой черточкѣ въ ходѣ моего разсказа слѣдуетъ придать болѣе серьезное значеніе, такъ какъ она является характерною для направленія Лѣснинскаго монастыря и его руководительницы: вниманіе къ людямъ, забота объ ихъ нуждахъ, а не аскетическая замкнутость—здѣсь занимаютъ первое мѣсто.

Эти основныя взгляды на монашеское дѣланіе я слышалъ отъ м. Екатерины еще въ Вировской бесѣдѣ. Они придаютъ Лѣснинскому монастырю новый характеръ, отличный отъ традиціоннаго. Извѣстный проповѣдникъ архіеп. Амвросій говорилъ м. Екатеринѣ: „Вы основываете новый монастырь по новому уставу. Богъ васъ благословитъ“. Новизна Лѣснинскаго устава въ рѣшительномъ предпочтеніи любви всѣмъ другимъ заповѣдямъ. Евангеліе въ любви, а монастыри должны жить по евангелію. „Типикона я терпѣть не могу“, говоритъ м. Екатерина, разумѣя, конечно, не богослужебный строй типикона, такъ какъ богослуженіе въ Лѣснѣ совершается благолѣпно и уставно, а разумѣя особенную любовь къ типиконнымъ іотамъ, къ уставной казуистикѣ, поставленіе типиконной правды выше всего. Уставная строгость, по словамъ м. Екатерины—если она не является лицемѣрною выѣшностью, обыкновенно встрѣчается у неврастениковъ. Бываетъ нервный аскетизмъ,—аскетизмъ съ надрывомъ. Налагаетъ его на себя человѣкъ или подѣ дѣйствіемъ какого нибудь случая или подѣ чьимъ нибудь вліяніемъ. Убѣждается онъ или убѣждаютъ его въ спасительности аскетизма, — и ему нужно постоянно поддерживать въ себѣ это убѣжденіе, нужны для этого средства. Однимъ изъ такихъ средствъ и является типиконная буква. Это своего рода гипнозъ, и нельзя отрицать его психологическаго значенія. Но не слѣдуетъ пѣть ему гимны. Не слѣдуетъ налагать этого ига

на всѣхъ, не должно имъ придушать живое дѣло. Это форма, которую можно терпѣть только при наличности живого содержанія, живого дѣла любви, и которая безъ этого условія легко обращается въ обманчивую виѣшность. У натуръ честныхъ и прямолинейныхъ, но не далекихъ по уму, система поклоновъ и вѣчно пустого желудка производитъ, прямо сказать, умопомраченіе, которое ихъ дѣлаетъ никому и ни на что ненужными. М. Екатерина не только не слѣдитъ въ своемъ монастырѣ за строгимъ исполненіемъ аскетическаго устава, а даже сдерживаетъ ревность инокинь, когда это бываетъ нужно. О лицемѣріи въ ея монастырѣ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ жизнь въ этой обители не представляетъ ничего привлекательнаго въ матеріальномъ отношеніи и, напротивъ, на долю каждой сестры выпадаетъ слишкомъ много живого дѣла, которое могутъ безропотно вынести только любовь къ ближнему и вѣра въ Божію правду. Можно опасаться скорѣе другого — излишней ревности въ аскетическомъ подвижничествѣ. И за этимъ слѣдитъ игуменія. Она запрещаетъ постническое изнуреніе тѣмъ сестрамъ, которымъ это угрожаетъ болѣзненностью, отвлекающею отъ дѣла. Такимъ образомъ, нѣкоторыя сестры, въ качествѣ послушанія, пользуются мяснымъ столомъ. Здѣсь смотрятъ на жизнь какъ на Божій капиталъ, который долженъ приносить пользу, а не лежать зарытымъ въ землѣ. Охраняютъ жизнь и ухаживаютъ за нею, чтобы она сіяла добрыми дѣлами. Смотрятъ на здоровье съ точки зрѣнія пользы ближняго. Знаютъ только одну жертву — на благо людей, знаютъ только одно служеніе — служеніе Богу въ ближнихъ. Съ полнымъ и яснымъ сознаніемъ м. Екатерина представляетъ это знамя на своемъ монастырѣ; она подбираетъ инокинь своей обители исключительно съ этой точки зрѣнія, она хочетъ управлять лишь подвижницами любви, она цѣнить въ своихъ монахиняхъ лишь одну работоспособность — въ служеніи ближнимъ. Она не принимаетъ къ себѣ или удаляетъ отъ себя не только тѣхъ, которыя монашескою рясой прикрываютъ наклонность къ тунеядству и лѣнь. но и истинныхъ, заслуживающихъ полного уваженія подвижницъ, если только въ нихъ нѣтъ убѣжденія, что типиконъ — дѣло второстепенное. А крайности аскетическаго на правленія вызываютъ въ ней негодованіе. „Не моются для

Бога! Да развѣ Богу нужна ваша грязь? Богъ есть Богъ чистоты и свѣта, а не Богъ грязи. Уже съ чисто философской точки зрѣнія, грязь это — тлѣніе, а тлѣніе — область сатаны, а не область Божія“. Нѣтъ, этого мало — признать служеніе любви, служеніе ближнимъ подѣліемъ. Мало считать его дѣломъ наряду съ другими дѣлами. Оно можетъ быть истиннымъ дѣломъ лишь тогда, когда ставится на первомъ мѣстѣ, когда ставится выше всего, когда считается единымъ на потребу. М. Екатерина не хочетъ допустить, чтобы фанатики аскетизма имѣли любовь. „Ихъ сердце исполнено ненавистью. Повѣрьте, они способны призвать народъ къ рѣзнѣ... Я была у одного изъ „вашихъ“ подвижниковъ. Когда онъ узналъ во мнѣ игуменію того монастыря, въ которомъ ѣдятъ скоромное и въ которомъ воспитываются дѣти, онъ застучалъ на меня ногами, закричалъ, забранился. „Такой монастырь, говорилъ онъ, нужно проклясть. Не монастырь—тотъ, гдѣ ѣдятъ скоромное. Не свято то мѣсто, гдѣ есть дѣти. Младенцы—чертенята“... Боже мой, Боже! восклицала м. Екатерина,—дѣти, которымъ Господь обѣтовалъ царствіе Божіе, которыхъ Онъ съ любовью и нѣжностью благословлялъ, которымъ мы должны уподобиться, чтобы войти въ царство небесное, дѣти обзываются чертенятами! Да это не только не евангельское христіанство, это хуже язычества, это отрицаніе всякой религіи и морали... Евангеліе не проклинаетъ міра, какъ творенія Божія, не проклинаетъ всего, что въ немъ естественно и законно, не хочетъ на все набросить черное покрывало, не хочетъ всѣхъ облечь въ черную рясу. Изъ міра появляются дѣти Божіи, — и дѣти міра становятся дѣтьми Божіими, переживая сначала мірское. Ближе къ евангелію сказавшій: „блаженъ, кто въ молодости былъ молодъ“, чѣмъ фанатики аскетизма, служители тлѣнія и грязи. Скорѣе придетъ ко Христу тотъ, кто любилъ въ мірѣ, кто жилъ его радостями и горями, чѣмъ тѣ, которые насильно заглушили въ себѣ все человѣческое. Они близки къ стѣнамъ царства Божія, но далеки отъ его дверей“. Съ неменьшею опредѣленностью высказывается м. Екатерина и противъ другихъ сторонъ специальной техники монастырскаго душеспасенія, напр. откровенія помысловъ. Въ этомъ случаѣ она опирается на авторитетъ Іоанна Кронштадскаго, который наставлялъ ее: „не заводи въ своемъ монастырѣ

откровенія помысловъ. Это бѣда, бѣда“. Этотъ совѣтъ встрѣтилъ воспріимчивую почву. М. Екатерина противъ того, чтобы монахъ копался въ своей душѣ. Побольше дѣла, и поменьше самолюбованія, возьми съ собой. По дѣламъ нужно узнавать не только другого, но и себя. Ни къ чему такъ не склоненъ человѣкъ, какъ къ самолюбованію. М. Екатерина припоминаетъ слова И. С. Тургенева: „о всемъ человѣкъ можетъ говорить съ удовольствіемъ, съ восторгомъ, но съ аппетитомъ только о себѣ“. Откровеніе помысловъ сводится обыкновенно къ самовыхваленію, къ самооправданію. „Подозрительна мнѣ любовь къ частой исповѣди... Не одобряю я записыванія грѣховъ... Желательна исповѣдь открытая и краткая“.

Сама м. Екатерина (въ мірѣ графиня Евгенія Борисовна Ефимовская) приняла монашество на тридцать пятомъ году. До того времени она много пережила и много передумала. Начать съ того, что она росла слабымъ, болѣзненнымъ ребенкомъ. Дѣтская фантазія рисовала заманчивые образы здоровой жизни, крѣпкаго организма. Краски для работы фантазіи брались изъ дѣтскихъ учебниковъ. „Я буду спартаккою“: таковъ былъ первый идеалъ будущей христіанской подвижницы. Въ семьѣ, подъ надзоромъ матери, нянекъ и боннъ было трудно осуществить этотъ идеалъ. Но съ 21 года мечты становятся дѣйствительностью: молодая мечтательница спитъ при открытомъ окнѣ даже въ холодную погоду. Жесткая постель. Холодные обмыванія. Умѣренный столъ. Этотъ суровый режимъ входитъ въ привычку, закаляетъ организмъ, укрѣпляетъ волю.

Первоначальное образованіе въ послѣдствіи дополняется самообразованіемъ. Не систематическимъ, педантическимъ прохожденіемъ курсовъ, а порывистымъ устремленіемъ въ ту или другую область. Переживается послѣдовательно рядъ увлеченій въ погонѣ за истиной и красотой. Душа не знаетъ половиннаго дѣла; всему отдается всецѣло, ищетъ своего призванія, которое поглотило бы всѣ ея силы, стало бы для нея религіей. Увлекается Евгенія Борисовна ваяніемъ, нѣмецкими поэтами, театромъ. Въ періодъ увлеченія театромъ, мечтаетъ поступить на сцену. Беретъ уроки итальянскаго языка у пѣвца-итальянца,—и въ 6 недѣль овладѣваетъ этимъ языкомъ. Слѣды эстетическаго воспитанія доселѣ замѣтны въ

христіанскомъ воззрѣніи м. Екатерины. Болѣе глубоко и продолжительно увлекалась Евгенія Борисовна литературой. Нѣкоторое время она и духовно и матеріально жила литературными трудами. На этой почвѣ она имѣла много знакомствъ—съ Тургеневымъ, Е. Туръ, Маркевичемъ, Аксаковыми. Съ И. С. Тургеневымъ она познакомилась въ Парижѣ. Читала ему свои литературныя произведенія, слушала его замѣчанія и сужденія; бесѣды съ нимъ выступали и за предѣлы собственно литературныхъ интересовъ.

Мнѣ бы хотѣлось представить себѣ, въ какомъ направленіи вліялъ И. С. Тургеневъ на Евгенію Борисовну... Я перечиталъ страницы изъ сочиненій его, относящихся ко времени знакомства съ нимъ Евгеніи Борисовны. Къ этому времени принадлежитъ его стихотвореніе въ прозѣ „Нимфы“. Кто не знаетъ этихъ чудныхъ строкъ?... „По всему широкому полукружію зеленыхъ горъ прокатился дружный хохотъ, поднялся радостный говоръ и плескъ. Панъ воскресъ! шумѣли молодые голоса. Все тамъ, впереди, внезапно засмѣялось, ярче солнца въ вышинѣ, игривѣе ручьевъ, болтавшихъ подъ травой. Послышался торопливый топотъ легкихъ шаговъ, сквозь зеленую чащу замелькала мраморная бѣлизна волнистыхъ туникъ, живая алость обнаженныхъ тѣлъ... То нимфы, нимфы, дріады, вакханки бѣжали съ высотъ въ равнину... Онѣ разомъ показались по всѣмъ опушкамъ. Локоны вьются по божественнымъ головамъ, стройныя руки поднимаютъ вѣнки и тиміаны—и смѣхъ, сверкающій, олимпійскій смѣхъ, бѣжить и катится вмѣстѣ съ ними... Впереди несутся богиня. Она выше и прекраснѣе всѣхъ,—колчанъ за плечами, въ рукахъ лукъ, на поднятыхъ кудряхъ серебряный серпъ луны... Это Діана. Но вдругъ богиня остановилась... и тотчасъ вслѣдъ за нею остановились всѣ нимфы. Звонкій смѣхъ замеръ. Я видѣлъ, какъ лицо внезапно онемѣвшей богини покрылось смертельной блѣдностью; я видѣлъ, какъ окаменѣли ея ноги; какъ невыразимый ужасъ разверзъ ея уста, расширилъ глаза, устремленные вдаль... Что она увидѣла? Куда глядѣла она? Я обернулся въ ту сторону, куда она глядѣла... На самомъ краю неба, за низкой чертою полей, горѣлъ огненной точкой золотой крестъ на бѣлой колокольнѣ христіанской церкви... Этотъ крестъ увидала богиня. Я слышалъ за собою неровный, длинный

вздохъ, подобный трепетанію лопнувшей струны,—и когда я обернулся снова, уже отъ нимфъ не осталось слѣда“...

Трудно указать другой, столь же прекрасный и сильный образъ отношенія христіанства къ язычеству. Эта проблема несомнѣнно предносилась великому уму Тургенева.

Болѣе продолжительно было сближеніе Евгеніи Борисовны съ семьей Аксаковыхъ,—и вліяніе съ этой стороны было несомнѣнно болѣе опредѣленнымъ и болѣе прочнымъ. Вліяніе славянофильства съ его вѣрою въ особое призваніе русскаго народа. „Исторія русскаго народа есть единственная во всемъ мірѣ,—исторія народа христіанскаго не только по исповѣданію, но по жизни своей, по крайней мѣрѣ, по стремленію своей жизни... Русская исторія, въ сравненіи съ исторіей Запада Европы, отличается такою простотою, что приведетъ въ отчаяніе человѣка, привыкшаго къ театральнымъ выходкамъ. Русскій народъ не любитъ становиться въ красивыя позы; въ его исторіи вы не встрѣтите ни одной фразы, ни одного красиваго эффе́кта, ни одного яркаго наряда, какими поражаетъ и увлекаетъ васъ исторія Запада; личность въ Русской исторіи играетъ вовсе не большую роль; принадлежность личности—необходима гордость, а гордости и всей обольстительной красоты ея и нѣтъ у насъ. Нѣтъ рыцарства съ его кровавыми доблестями, ни безчеловѣчной религіозной пропаганды, ни крестовыхъ походовъ, ни вообще этого безпрестаннаго щегольскаго драматизма страстей. Русская исторія—явленіе совсѣмъ иное. Здѣсь другую задачу задалъ себѣ народъ на землѣ, христіанское ученіе глубоко легло въ основаніе его жизни. Отсюда, среди бурь и волненій, насъ посѣщавшихъ, эта молитвенная тишина и смиреніе, отсюда внутренняя духовная жизнь вѣры“...

Глубокая любовь къ своему народу внушена славянофилами м. Екатери́нѣ,—и это вліяніе мы должны принять во вниманіе, если хотимъ вполнѣ понять ея столь новую для монастырскихъ традицій дѣятельность. Христіанская любовь для нея является не отвлеченнымъ понятіемъ, не мертвой заповѣдью, но живой силой, воплощенной въ любви къ народу. На сколько это важный моментъ въ христіанскомъ обликѣ Лѣвсинской игуменіи, видно изъ того, что ей твердо хотѣлось принять монашество 19 фѣвраля... И все-же не пришлось...

Практическимъ поборникомъ идеаловъ славянофильства въ узкой области отношеній къ дѣтямъ былъ С. А. Рачинскій—племянникъ поэта Баратынскаго и другъ славянофиловъ. Оставивъ профессорство въ университетѣ, онъ посвятилъ свою дѣятельность народной школѣ. Его взгляды на первоначальное обученіе народа имѣютъ характеръ строгой систематичности. Русская школа должна быть своеобразна, какъ своеобразенъ русскій народъ. Какими же чертами опредѣляется образъ первоначальной русской школы? Прежде всего наша народная школа проявляетъ, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, рѣшительную тенденцію быть школой религіозной, церковной. Несмотря на то, что до введенія церковно-приходской школы позднѣйшаго типа наше духовенство относилось къ школамъ и къ законоучительству въ нихъ съ равнодушіемъ, вопреки тому, что интеллигенція шла въ народъ съ нигилистической пропагандой, народныя школы пріобрѣтали сами собою болѣе и болѣе церковный характеръ, отводя центральное мѣсто среди своихъ учебныхъ предметовъ Закону Божію. Этотъ религіозный, церковный характеръ, налагаемый на нашу школу силою вещей, обуславливаетъ другую ея рѣзкую особенность — учебную программу, отличающуюся отъ учебныхъ программъ всѣхъ школъ иноземныхъ. Въ программѣ русской школы должны занимать почетное мѣсто церковно-славянскій языкъ и церковное пѣніе. Изученіе церковно-славянскаго языка, составляя само по себѣ превосходную умственную гимнастику, должно придать жизнь и смыслъ изученію языка русскаго, придать незыблемую прочность пріобрѣтенной въ школѣ грамотности. Участіе въ церковномъ чтеніи и пѣніи откроетъ, далѣе, нашему народу широкіе горизонты религіозно-художественнаго развитія. Въ послѣдніе дни принято говорить о нуждѣ народнаго театра. Несомнѣнно, нужно развивать въ народѣ эстетическіе вкусы. Но не въ сферѣ отрѣшеннаго искусства нужно искать удовлетворенія эстетическихъ потребностей народа, а въ сферѣ его практическихъ нуждъ, въ сферѣ его обыденной жизни. Русскій народъ—народъ глубоко вѣрующій, и первая изъ его практическихъ потребностей, наряду съ удовлетвореніемъ нуждъ тѣлесныхъ, есть общеніе съ Божествомъ. Эта потребность, источникъ и условіе всякаго человѣческаго искусства, прежде всего должна

быть удовлетворена и можетъ быть удовлетворена лишь при помощи искусства. Не театръ ему нуженъ, а церковь, достойная своего высокаго назначенія,—школа, раскрывающая предъ нимъ сокровища церкви. Мало—дать народу въ сценическихъ представленіяхъ художественныя впечатлѣнія, нужно возбудить его умственную и художественную дѣятельность. Такой именно дѣятельности открываетъ пирокій просторъ наша церковь для всякаго человѣка, получившаго дѣйствительное, а не мнимое элементарное образованіе, возможное въ русской сельской школѣ. Эта дѣятельность заключается въ церковномъ чтеніи и пѣніи. Церковное чтеніе есть искусство, имѣющее свои преданія, свои неписанные законы,—искусство, требующее и природнаго таланта, и многолѣтняго упражненія,—искусство, которое можетъ быть доведено до высокой степени совершенства, самое популярное изъ искусствъ. Но еще болѣе широкій просторъ истинно народной художественной дѣятельности даетъ церковное пѣніе. Въ немъ можетъ участвовать всякій, кто обладаетъ хотя бы самыми ограниченными голосовыми средствами, хотя бы самую посредственную музыкальную способностью. Эти задатки, столь распространенныя въ нашемъ народѣ, совершенно недостаточныя для одиночной художественной дѣятельности, въ хоровомъ пѣніи пріобрѣтаютъ глубокій смыслъ, высокую цѣну, даютъ доступъ къ высшимъ сферамъ человѣческаго искусства. Вызывать и развивать эту дѣятельность значитъ идти навстрѣчу потребностямъ русскаго народа. Присмотритесь—глохнуть и гаснуть въ народѣ народная пѣсня, народная сказка, эти живучіе отголоски иной вѣры, иного міросозерцанія. Среди тягостнаго однообразія сѣрой, трудовой жизни, среди лжи и пошлости, вѣющей отъ полуобразованнаго слоя сельскаго населенія, гдѣ просвѣтъ для души нашего крестьянина, гдѣ отзывъ на тѣ стремленія, которыя лежатъ на днѣ этой души, составляютъ существеннѣйшую ея суть? Въ церковномъ праздникѣ, приносящемъ ему полуискаженный отголосокъ дивнаго древняго напѣва; въ баснословномъ, но согрѣтомъ вѣрою, разсказѣ темнаго странника, въ походѣ въ дальній монастырь, гдѣ его молитва обрѣтаетъ достойные ея звуки, въ чтеніи Священнаго Писанія или Житій Святыхъ. Школа должна дать русскому народу средства использовать всѣ эти сокровища

духовной жизни. И если въ настоящее время, въ минуты пробужденія въ нашемъ народѣ сознательнаго христіанства, соперникомъ церкви является кабакъ; если пьяный разгулъ слишкомъ часто заглушаетъ въ немъ всякое движеніе духа; если въ этой борьбѣ не произойдетъ скорый и рѣшительный поворотъ,—то вѣчный позоръ всѣмъ намъ, людямъ досуга и достатка, мысли и знанія! Позоръ и проклятіе нашему мертвому образованію!...

Третья особенность нашихъ сельскихъ школъ (сѣверной полосы) обусловлена причинами чисто внѣшними, но имѣетъ на ея внутреннюю жизнь неизмѣримое вліяніе. Девять десятыхъ изъ учениковъ нашихъ сельскихъ школъ не ходятъ въ школу, а живутъ въ ней. Деревни наши такъ разбросаны, ученики наши такъ малы и такъ плохо одѣты, что лишь изъ одной, много двухъ, трехъ деревень они могутъ ходить ежедневно въ школу. Всѣ живущіе въ деревняхъ болѣе отдаленныхъ приходятъ на цѣлую недѣлю, съ запасомъ хлѣба, цѣлый день сидятъ въ школь... Это обстоятельство превращаетъ сельскую школу изъ учебнаго заведенія въ воспитательное. Школа захватываетъ всю жизнь ребенка, и становится великою силою, налагающею на него неизгладимую печать. Какую? Это зависитъ отъ духа школы, отъ ея организаци, отъ лицъ, ею управляющихъ... Одно несомнѣнно, что людямъ досуга и достатка, мысли и знанія, недостаточно строить школьныя помѣщенія, снабжать ихъ пособиями, приставлять къ нимъ патентованныхъ учителей. Намъ самимъ нужно жить тою жизнью духовною и нравственною, которую мы хотимъ вдохнуть въ учениковъ нашихъ школъ...

Этому призыву С. А. Рачинскій самъ первый послѣдовалъ. Выстроивъ въ своемъ родовомъ Татевѣ превосходное школьное зданіе, С. А. „покинувъ всѣ свои привычки, все удобство и покой цивилизованной жизни въ кругу родныхъ, переселился изъ барскаго дома въ школу и началъ жить одною жизнью съ своими учениками“...

На тѣхъ, кто „учился“ у С. А. Рачинскаго школьному дѣлу, его образъ производилъ обаятельное впечатлѣніе. Одинъ изъ таковыхъ пишетъ: „Непобѣдимое увлеченіе Сергѣя Александровича, его вдохновенное учительство не могло не увлекать и насъ. Мы видѣли, что онъ трудится непре-

станно круглый годъ, видѣли неугасающій огонь его самоотверженнаго служенія, и намъ ли было жалѣть себя?.. Между моими воспоминаніями о годахъ моего учительства въ Глуховѣ, объ этомъ соревнованіи въ неутомимости, воспоминаніе объ этомъ восторгѣ работы—одно изъ самыхъ дорогихъ“...

Графиня Е. Б. Ефимовская „подвизалась“ и „училась“ въ Татевѣ. И конечно, многому она здѣсь научилась. Церковный характеръ лѣснинскихъ школъ не есть только вывѣска, сдѣланная внѣшнею властью,—онъ служитъ выраженіемъ ея внутренняго убѣжденія. Наблюдая эти школы и, въ частности, внимая прекрасному церковному пѣнію, которымъ поистинѣ Лѣсна можетъ славиться, невольно припоминаешь школьные взгляды Татевского подвижника.

Этими указаніями я не думаю исчерпать всѣ вліянія, подъ которыми складывалась душа будущей игуменіи Лѣснинскаго монастыря, но, кажется, отмѣчены важнѣйшія изъ нихъ. Теперь попытаюсь набросать очеркъ внѣшнихъ событій ея жизни,—событій, которыми Промыслъ приготавлилъ ее для лѣснинскаго служенія.

Отецъ Е. Б. Ефимовской служилъ въ Смоленской губерніи по выборамъ и состоялъ 23 года предводителемъ дворянства Гжатскаго уѣзда. Когда его экономическое положеніе пошатнулось и наслѣдственное имѣніе Клементьево перешло въ казну, онъ поступилъ на государственную службу (въ Калишѣ), что давало основанія зачислить на пенсію прежнюю службу по выборамъ. Онъ переселился на мѣсто новой службы, а семья его переѣхала въ Москву. Вскорѣ съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ; мать, собравши, что было, уѣхала къ нему,—и Евгенія Борисовна съ сестрою остались въ Москвѣ предоставленныя себѣ и безъ средствъ. Нужно было стать на свои ноги и начать трудовую жизнь. И по природной энергіи и по развитію Е. Б. была къ этому вполне подготовлена. Начальница Николаевского института предложила ей мѣсто учительницы французскаго языка, — предложеніе было принято. Впрочемъ, Е. Б. здѣсь пробыла недолго,—не болѣе года. Для нея были стѣснительны казенные шаблоны учебно-воспитательнаго дѣла и тяжела атмосфера чопорныхъ отношеній между собою служебнаго женскаго персонала. Между тѣмъ мать съ больнымъ отцомъ возвратилась въ

Москву, послѣдовалъ второй ударъ и отецъ скончался. Е. Б. искала „своего“ дѣла, въ которомъ могла бы найти просторъ ея душа. По совѣту учителей Николаевского института, она открыла пансіонъ на двѣнадцать дѣвочекъ для приготовленія къ гимназій. Здѣсь въ первый разъ нашли себѣ примѣненіе ея педагогическія наклонности и учебно-воспитательныя приемы. Особое вниманіе обращалось на воспитаніе какъ нравственное, такъ и физическое. Практиковалось ежедневное обмываніе. Учебные труды съ Е. Б. раздѣляли ея сестра и одна наемная учительница. Широко поставленное дѣло въ матеріальномъ отношеніи не могло принести ничего, кромѣ убытка и долговъ. На четвертомъ году случилось обстоятельство, которое заставило прекратить это дѣло. Смѣнялась квартира для пансіона. Поздно ночью Е. Б. укладывала книги. Лампа стояла на полу. Погруженная въ работу, Е. Б. остановилась слишкомъ близко къ лампѣ: на ней вспыхнуло платье. Прибѣжавшая на крикъ горничная дѣвушка такъ потерялась, что не могла оказать никакой помощи. Напрасно Е. Б. кричала ей: „шубу, шубу“. Та ничего не понимала. Объятая пламенемъ, Е. Б. вынуждена была, не теряя присутствія духа, сойти въ переднюю комнату, взять шубу и накрыться ею. Пламя было потушено, но ноги оказались страшно пострадавшими. Послѣдовали одиннадцать мѣсяцевъ тяжелыхъ страданій. Открывшіяся на ногахъ раны упорно не поддавались медицинскому уходу. Ноги свело. При первыхъ признакахъ выздоровленія больную перевезли въ деревню. „Я узнала—разсказываетъ м. Екатерина— всю прелесть деревенской тишины. Я будто просыпалась послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ лихорадочной дѣятельности“... Съ теченіемъ времени отъ болѣзни не осталось слѣдовъ; но Е. Б. получила отвращеніе къ мясу и доселѣ не можетъ выносить запаха дыма.

Это несчастье случилось въ 77 году. Дѣло съ пансіономъ остановилось. Нужда заставляла искать новыхъ занятій. Слѣдуетъ замѣтить, что мать Е. Б. вторично вышла за мужъ. Е. Б. послѣдовательно приготовляетъ въ школу одного мальчика въ Саратовѣ, воспитываетъ двухъ сиротъ, брата и сестру, въ Петербургѣ, затѣмъ изъ Москвы сопровождаетъ одну больную дѣвицу за границу—въ Ментону и Парижъ. При больной, кромѣ Е. Б., состоятъ русскій врачъ, получав-

шій 12.000 р. въ годъ, и дѣвушка для услугъ. Врачъ, наблюдая честное и безкорыстное отношеніе къ дѣлу Е. Б., не могъ скрыть своего удивленія и сказалъ ей: „Ваше мѣсто въ монастырѣ“. Это первое въ жизни Е. Б. предуказаніе на ея позднѣйшую дѣятельность. Въ Парижѣ Е. Б. познакомилась съ И. С. Тургеневымъ... Когда затѣмъ Е. Б. снова поселилась въ Петербургъ, занимаясь исключительно литературой, ей пришлось глубоко перечувствовать трагическое событіе 1881 года... Прежде, въ обществѣ студентовъ-товарищей своего брата, она близко ознакомилась съ либеральными теченіями русской мысли. Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ были близки ея думамъ. Печальное событіе 81 года произвело рѣзкую перемѣну въ ея симпатіяхъ... Черезъ нѣсколько времени она получила мѣсто въ Екатерининскомъ институтѣ. Но работала здѣсь недолго. При посредствѣ врача, съ которымъ она сопровождала за границу больную, она получила предложеніе отъ Преосвященнаго Іоанна завѣдывать младшими классами епархіальнаго училища, помѣщавшимися въ Великобудищскомъ монастырѣ, игуменія котораго была и начальницей училища. Въ стѣнахъ этой монастырской школы еще разъ и шире, чѣмъ прежде, развернулись педагогическія способности Ев. Б.,— и при томъ въ направленіи не только гуманитарномъ, но христіанско-гуманномъ. Доселѣ она съ содроганіемъ вспоминаетъ то, что встрѣтила въ этомъ училищѣ. Здѣсь неограниченно царила грязь; дѣти, можно сказать, были заброшены. И это было вполне естественнымъ плодомъ односторонне - аскетическаго отношенія къ дѣтямъ и къ грязи. „Если, говорить м. Екатерина, дѣти признаются чертенятами, не радостью и украшеніемъ нашей жизни, не началомъ и ручательствомъ царства Божія, а помѣхой душе-спасенія и напominаніемъ о человѣческой грѣховности; если грязь считается даромъ отъ Бога и даромъ Богу; если изнуряютъ себя ради Бога; то какое же основаніе радостно и любовно ухаживать за дѣтьми, заботливо обмывать и кормить ихъ“? И Евгенія Борисовна подняла рѣшительную борьбу съ этимъ царствомъ грязи. Встрѣчая недовѣріе капризамъ „графини“ и насмѣшки надъ новыми порядками, она принялась сама мыть дѣтямъ и вычесывать головы, пріучала ихъ къ опрятности, слѣдила за ними, какъ они

встають и какъ ложатся, слѣдила за приготовленіемъ стола. Приходилось бороться съ странными затрудненіями, встрѣчавшимися въ каждой мелочи. Подавали дѣвочкамъ на ночь воду для питья изъ нечистаго колодца, находившагося недалеко отъ дѣтскаго помѣщенія, хотя въ томъ же монастырѣ былъ хорошій колодезь, но на болѣе или мѣнѣе значительномъ разстояніи отъ училища. Е. Б. неоднократно просила игуменью распорядиться по этому вопросу. Наконецъ ей передали отвѣтъ игуменіи: „у насъ нѣтъ лишнихъ рукъ и времени, чтобы носить воду издали; если хочешь, носи сама“. И Е. Б. стала носить воду. И только эта мѣра подѣйствовала на игуменію. То же повторилось въ вопросѣ о платьяхъ ученическихъ. Онѣ ходили въ безобразныхъ лифчикахъ, которые кроились матерью казначеею соотвѣтственно монашескому идеалу: укорачивалась передняя сторона лифчиковъ и, напротивъ, удлинялась спинка, такъ что всѣ дѣвочки выглядывали горбатыми. Избѣгали, видители, всякаго напоминанія о томъ, что дѣвочки будущія женщины. Приучали ихъ,—дѣтей, дѣвочекъ—стоять выше щегольства. И когда Е. Б., возмущаясь въ своемъ эстетическомъ чувствѣ, стала хлопотать, ей отвѣтили: „доброе дѣло,—крой и шей сама“. И она скроила и сшила по своему платья 108 дѣвочкамъ. Другою стороною монастырской школы, обращавшею на себя невольное вниманіе свѣжаго человѣка, было мрачное отношеніе ученицъ и учительницъ къ монастырскому начальству. Игуменіи, среди которыхъ нерѣдкость такіа, что едва могутъ подписать свое имя, въ школѣ не могутъ пользоваться авторитетомъ. Между тѣмъ монашествующее начальство настаиваетъ на авторитетѣ въ такихъ формахъ, которыя могутъ оскорблять чelовѣческое достоинство. Требуются низкіе поклоны, цѣлованіе руки: все это тяжело и оскорбительно, когда нѣтъ нравственнаго уваженія къ лицу, когда внутреннее достоинство не соотвѣтствуетъ внѣшней чести. Все это создавало мрачную атмосферу ханжества и мелочной борьбы. Для учительницъ былъ и непрерывнымъ предметомъ разговора и пробнымъ камнемъ ихъ гражданскаго мужества вопросъ о цѣлованіи руки. Встрѣчаясь съ подругами, каждая спѣшила заявить: „не поцѣловала“. Нахожденіе училища въ монастырѣ рѣшительно деморализовало и учащихся и учащихся. Е. Б. съ

свойственной ей энергіей взялась за разрѣшеніе этого гордіева узла. Ей помогло крѣпнѣвшее въ ней за это время религіозное чувство. Сойдясь близко съ учительницами, встрѣтившими ее сначала недовѣрчиво, и съ ученицами. Е. Б. относилась сама и приучала другихъ относиться почитительно къ монашествующимъ. Уже къ ея пріѣзду въ монастырскомъ воздухѣ носился вопросъ: „поцѣлуетъ ли графиня руку у игуменіи?“ И когда она почитительно поцѣловала руку игуменіи, у монастырскихъ сестеръ какъ гора съ плечъ свалилась. Примѣръ же ея благотворно подѣйствовалъ и на противную сторону. Репутація новопривышей окончательно утвердилась въ глазахъ инокинь, когда она сдѣлала земной поклонъ въ церкви матери казначеѣ, смертельно оскорбившейся за недовѣріе ея кроительному искусству.....

Однако при такихъ условіяхъ дѣятельность, требовавшая громадной траты силъ и не дававшая соотвѣствующихъ результатовъ, сталкивавшаяся на каждомъ шагу съ обидными затрудненіями, не могла долго продолжаться. Узкія полномочія слишкомъ не отвѣчали работоспособности.

Е. Б. переѣхала въ Москву, жила нѣкоторое время у матери. Затѣмъ въ пріютѣ А. Θ. Аксаковой замѣняла заболѣвшую надзирательницу. Къ этому времени относится ея сближеніе съ Аксаковыми. Въ Петербургѣ, по указанію графини Толстой, состоявшей членомъ Человѣколюбиваго общества, Е. Б. принимала участіе въ благотворительной дѣятельности Общества. Потомъ она занималась въ Татевской школѣ подъ руководствомъ С. А. Рачинскаго, съ которымъ впоследствии переписывалась. Мысль посвятить себя какому нибудь дѣлу всецѣло, отдаться на служеніе ближнему безраздѣльно принимала болѣе и болѣе опредѣленныя черты: Е. Б. рѣшила идти въ монашество. „Иду въ монастырь“, говорила она близкимъ. Куда? спрашивали ее. „Куда Богъ укажетъ“... Въ это время архіеп. Леонтій выработалъ идею просвѣтительно-благотворительнаго монастыря въ цѣляхъ миссіонерскаго воздѣйствія на уніатовъ и упорствующихъ,—мѣстомъ для монастыря была намѣчена Лѣсна. Архіеп. Леонтій искалъ образованной и энергичной игуменіи, которая сѣмѣла бы облечь его идею въ плоть и кровь. „Улей есть, матки нѣтъ“, говаривалъ онъ. Ему указали на Е. Б. Послѣдовало предложеніе, которое и было принято съ восторгомъ.

Лѣсна обладаетъ святынею—иконою Божіей Матери. По преданію ¹⁾, эта икона—явленная. Она обрѣтена пастухами лѣтъ 200 тому назадъ, именно въ 1683 году 14 сентября, на грушевомъ деревѣ. Икона была поставлена въ Буковичской православной церкви. Но вскорѣ, уже въ 1686 году, поляки „обманомъ и насиліемъ“ отняли икону у православныхъ и на мѣстѣ явленія иконы, въ Лѣснѣ, основали въ началѣ XVIII вѣка монастырь паулиновъ, надолго ставшій центромъ латинской пропаганды. Въ 1863 году паулины за участіе въ мятежѣ были удалены изъ монастыря, а въ 1875 году лѣснинскій костелъ былъ переданъ православному вѣдомству. Въ 1884 году разрѣшено было учредить въ Лѣснѣ, согласно мысли архіеп. Леонтія, православную Свято-Богородицкую женскую общину. 20 октября 1885 г. прибыла въ Лѣсну Е. Б. Ефимовская съ пятью сестрами и двумя дѣвочками. Сначала была основана только община, которою управляла Е. Б., еще не связанная иноческими обѣтами. Община преобразована въ общежительный монастырь 26 августа 1889 года.

По характеру своей дѣятельности и общему строю Лѣснинскій монастырь то же, что Вировскій. Лѣсна, какъ и Вировъ, несетъ мѣстному населенію духовное просвѣщеніе и медицинскую помощь. Лѣсна воспитываетъ 356 дѣтей—изъ нихъ 245 ученицъ девятилѣтней церковно-учительской школы, 23 ученицы ремесленной школы и 21—сельско-хозяйственной, 67 малолѣтокъ, среди которыхъ 19 „ползунковъ“. Лѣснинская школа—цѣлая система послѣдовательныхъ школъ: школа грамоты съ 3 лѣтнимъ курсомъ, двухклассная съ пятью отдѣленіями, второклассная трехлѣтняя и церковно-учительская тоже трехлѣтняя. Три года школы грамоты соответствуютъ первымъ тремъ годамъ двухклассной школы; пройдя эти три класса, однѣ ученицы продолжаютъ въ двухъ старшихъ отдѣленіяхъ двухклассной школы, а другія—лучшія поступаютъ во второклассную школу. Эта послѣдняя выпускаетъ учительницъ для школъ грамоты, но лучшія ученицы продолжаютъ ученіе въ церковно-учительской школѣ, которая, такимъ образомъ, имѣетъ въ общемъ девятилѣтній

¹⁾ Подробности объ иконѣ и ея исторіи см. въ „Сказаніи о лѣснинской чудотворной иконѣ Божіей Матери“ прот. Н. Страшкевича, Холмъ 1900 г.

курсъ, съ программю почти гимназическою, и приготовляетъ учительницъ для церковно-приходскихъ школъ. Ученицы низшихъ классовъ, обнаруживающія менѣе склонности къ теоретическому обученію, переводятся въ практическія школы сельско-хозяйственную и ремесленную. Младшіе классы являются вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстомъ практически-учительскихъ занятій ученицъ старшихъ церковно-учительскихъ классовъ. Едва-ли какой другой изъ нашихъ монастырей содержитъ въ своихъ стѣнахъ столько интеллигентныхъ инокинь, какъ лѣснинскій. Восемь учительницъ этого монастыря—всѣ свои. Получаемое ими жалованье идетъ всецѣло въ кассу монастыря и является единственнымъ денежнымъ пособіемъ отъ казны монастырю. Впрочемъ монастырь имѣетъ въ настоящее время до 370 десятинъ земли и ведетъ довольно широкое хозяйство, являющееся необходимымъ условіемъ существованія школъ сельско-хозяйственной и, отчасти, ремесленной. И всѣ ученицы, въ мѣру возможнаго, принимаютъ участіе въ хозяйственныхъ трудахъ. Другимъ видомъ благотворительной дѣятельности лѣснинскаго монастыря служить медицинская помощь окружающему населенію. Всѣмъ больничнымъ дѣломъ, и врачебнымъ и аптекарскимъ и фельдшерскимъ, завѣдываютъ сами сестры, никогда не обращающіяся къ содѣйствію врачей. Во главѣ этого дѣла стоитъ казначея монастыря, м. Нина. Монастырская больница, удовлетворяя собственнымъ нуждамъ монастыря, принимаетъ нѣсколько тысячъ въ годъ стороннихъ амбулаторныхъ больныхъ, которымъ бесплатно выдаетъ и лѣкарство. Имѣется лазаретъ. Въ настоящее время выстроено и уже отдѣляется внутри громадное зданіе лазарета, въ которомъ будетъ постоянныхъ 43 кровати—35 для монастырскихъ обитательницъ, изъ нихъ 10 для заразныхъ больныхъ, и 8 кроватей для народа.

Мы начали осмотръ монастыря, утромъ слѣдующаго дня, съ сада и прудовъ. При своемъ основаніи монастырь былъ окруженъ болотомъ, которое приносило только вредъ и въ гигиеническомъ и въ экономическомъ отношеніи. Нужно было осушить его. Былъ приглашенъ инженеръ, который за „приличную плату“ устроилъ прудъ, не достигавшій однако своего назначенія. Пришлось исправлять и довершать это дѣло своими силами. За него взялась мать Нина...

Я долженъ сказать нѣсколько словъ объ этой помощницѣ и другѣ м. Екатерины. Мать Нина—это „миѣическое“ лицо въ Лѣсинской обители. Какъ духовный строй обители есть всецѣло созданіе и дѣло м. Екатерины, такъ вся техника экономической и благотворительной жизни монастыря связана съ именемъ м. Нины. Ея всезнаніе, многосторонность дѣятельности и неисчерпаемость ея энергіи удивительны и даже граничатъ съ невѣроятностью. Начиная съ прудовъ, мы наблюдали связь ея имени со всѣми сторонами и со всѣми уголками монастыря. Въ немъ идутъ въ настоящее время большія постройки,—кромѣ уже готовой больницы, строится большая сельско-хозяйственная школа и производятся нѣкоторыя постройки на скотномъ дворѣ: мать Нина взяла на себя трудъ архитектурскій, включая сюда и составленіе плановъ и общее наблюденіе за исполненіемъ работъ. На ней лежитъ все больничное дѣло: она единственный врачъ и имѣетъ помощницъ лишь въ аптекарскихъ и фельдшерскихъ работахъ. Какъ казначея монастыря, она завѣдуетъ всей монастырской экономіей и всѣмъ хозяйствомъ. Когда она присоединилась къ намъ и мы побыли съ нею нѣсколько часовъ сряду, мы были изумлены количествомъ разнообразныхъ запросовъ, обращенныхъ къ ней, и данныхъ ею указаній и отвѣтовъ: къ ней шли и управляющій хозяйствомъ и завѣдующій скотнымъ дворомъ, она давала распоряженія и въ кухнѣ, и въ столовой, и на полѣ, и малярямъ. И все это съ такимъ авторитетомъ, съ такимъ знаніемъ дѣла и съ такимъ вниманіемъ къ каждой мелочи!

М. Нина (въ мірѣ Наталья Григорьевна Касаковская) много горя пережила въ своей молодости... Впрочемъ, я не уполномоченъ передавать то, что слышалъ отъ нея по этому предмету... Медицинскому дѣлу она научилась у своего брата-врача. Ушла въ монастырь противъ воли своего отца—послѣ того, какъ поставила на ноги всѣхъ братьевъ и сестеръ (она рано лишилась матери). Настроена мистически: ея душа возвышается до видѣній. Такъ она видѣла своего отца въ моментъ его смерти съ поразительною ясностью и съ подробностями, которыя впослѣдствіи подтвердились очевидцами. Уже одно это видѣніе держитъ ея душу въ постоянномъ религіозномъ настроеніи. Но ея душа горитъ и вѣжной дѣятельной любовью. Ея энергія поразительно осо-

бенно въ виду того обстоятельства, что она перенесла нѣсколько тяжелыхъ хирургическихъ операцій, вытерпѣла много физическихъ страданій и видѣла смерть на близкомъ разстояніи. Нынѣ она незамѣнимая помощница м. Екатерины, которая всецѣло предоставила ей всю техническую сторону монастырской жизни. Но она не только ея помощница, она ея другъ въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова. Онѣ—мать и дочь. При работоспособности, превосходящей всякое вѣроятіе, м. Нина живетъ на лѣкарствахъ и нуждается въ постоянномъ вниманіи. Съ материнскою нѣжностью м. Екатерина напомнить ей принять капли, набросить на плечи въ нужную минуту шаль...

Онѣ говорятъ, что онѣ необходимы другъ другу,—и наблюдателю это кажется аксіомой. Онѣ вмѣстѣ думаютъ, вмѣстѣ чувствуютъ.

М. Нина устроила цѣлую систему прудовъ, соединенныхъ между собою и съ рѣчкой: вода въ нихъ постоянно проточная. Всѣ пруды скрываются въ обширномъ саду, который повсюду показываетъ слѣды внимательнаго ухода. Все это не только гигиенично и экономично, но и художественно-красиво. Работы землекопательныя и садовыя еще продолжаютъ.

Затѣмъ мы осматривали больницу и школы. Въ больницѣ застали м. Нину съ помощницами за приготовленіемъ лѣкарствъ, которыхъ дожидалось нѣсколько амбулаторныхъ больныхъ: пріемъ только что окончился... Изъ больницы пошли въ новое зданіе лазарета, гдѣ идутъ послѣднія штукатурныя и малярныя работы. Планъ зданія созданъ съ знаніемъ больничнаго дѣла и съ любовью къ нему. Предвидѣна каждая мелочь. Обращено особое вниманіе на изоляцію различныхъ больныхъ: для нихъ и особый ходъ и свое все нужное—аптечка, кухня... Между прочимъ въ устройствѣ больницы принята во вниманіе и мѣстная потребность: дѣти, вновь принимаемыя и возвращающіяся съ каникулъ, обычно страдаютъ кожными болѣзнями. Для такихъ больныхъ отдѣлены особыя палаты... Вообще громадныя лазареты устроены богато. Есть операціонный кабинетъ и комната для приготовленія медицинскихъ травъ и пр. Но вниманіе посетителя-неспециалиста преимущественно привлекаютъ къ себѣ мелочи, свидѣтельствующія о крайней заботливости

завѣдующей постройками: напр., печамъ приданы пирамидальныя верхушки, чтобы не задерживали пыли; замазаны штукатуркой углы соединенія стѣнъ и половъ, такъ что отъ щетки не спасется въ углахъ пыль. И т. д. и т. д.

Большое школьное зданіе имѣетъ сложное внутреннее устройство. Множество классныхъ комнатъ въ разныхъ отдѣленіяхъ школы, комнаты съ классными пособіями—библіотека, физическій кабинетъ, спальныя, умывальныя, помѣщенія для малолѣтокъ... Общее впечатлѣніе то же, что и въ Вировѣ. Разница развѣ та, что въ Лѣснѣ нынѣ обучаются только дѣвочки. Посѣтителю не можетъ не замѣтить здороваго вида дѣтей и ихъ непринужденнаго довѣрчиваго отношенія къ старшимъ. Легко предположить, что дѣти старшаго возраста обладаютъ достаточнымъ умственнымъ развитіемъ. Это не только видно изъ ихъ отвѣтовъ, но и изъ программы школы. Очевидно, въ жизнь края онѣ многое вынесутъ изъ своей alma mater. Нужно также упомянуть объ обычаѣ монастыря отпускать дѣтей на лѣтнія каникулы въ деревни—и не только къ роднымъ имѣющимъ родню, но и сиротъ къ тѣмъ, кто ихъ возьметъ. Такимъ образомъ, дѣти не порываютъ связи съ деревней, изъ которой взяты и въ которой будутъ жить. Монастырь готовитъ ихъ для народа. Готовитъ онѣ ихъ съ миссіонерскою цѣлью и воспитаніе ихъ церковное, однако не односторонне-аскетическое... Всѣхъ дѣтей въ сборѣ (за исключеніемъ самыхъ маленькихъ) мы видѣли въ столовой. Тѣсно поставленные столы были, какъ пчелинымъ роємъ, обсажены дѣтворой, усердно работавшей за своими деревянными чашками. Когда мы вошли, было уже покончено съ перловымъ супомъ,—и дежурныя разносили тыкву съ молокомъ. Кушанья были приготовлены сытно и вкусно. Дѣти на посѣтителей не обращали вниманія, которое было достаточно поглощено однимъ дѣломъ.

Въ послѣобѣденное время мы наблюдали дѣтей въ полѣ, въ полуверстномъ разстояніи отъ монастыря, за уборкой картофеля. Работникъ дѣлалъ борозду сохой, къ которой было придѣлано зубчатое колесо, быстро вращавшееся перпендикулярно къ бороздѣ и разбрасывавшее вырываемый картофель. Дѣти, разставленные на своихъ участкахъ, подбирали его. Работа шла оживленная. Стояла хорошая погода, ярко свѣтило вечернее солнце...

Возвращаясь съ поля, мы зашли въ хлѣбную. Здѣсь много работы: ежедневно выпекается муки на хлѣбъ до 20 пудовъ. Мы застали любопытную процедуру размѣшиванья тѣста: оно производится тутъ посредствомъ соотвѣтствующаго приспособленія, которое приводится въ движеніе лошадыю, медленно кружащеюся предъ окномъ хлѣбной...

Но не это хитрое приспособленіе дѣлаетъ примѣчательнымъ помѣщеніе хлѣбной. Это зданіе, въ которомъ кромѣ хлѣбной находится еще прачешная, оказало первое гостепріимство въ Лѣснѣ новоприбывшей м. Екатеринѣ, тогда еще носившей мірское имя. Нужно лишь взглянуть теперь на это зданіе, чтобы ясно представить себѣ обстановку, въ которой было начато лѣснинское дѣло. Неоднократно съ того времени ремонтированное, зданіе имѣетъ мрачный и жалкій видъ; даже въ качествѣ помѣщенія для хлѣбной и прачешной, оно нынѣ терпитъ по крайней пуждѣ. Каково же оно было въ то время, когда въ Лѣсну прибыла основательница монастыря? Въ немъ прежде помѣщалось гминное управленіе. Низкіе потолки съ угрожающими балками, окна, едва поднимающіяся надъ уровнемъ земли и украшенные желѣзными рѣшетками, земляной полъ, сырой воздухъ... По своей привычкѣ м. Екатерина спала съ открытыми окнами, чрезъ которыя набирались въ комнату лягушки... Бѣдность ужасная... Предъ отъѣздомъ въ Лѣсну, Евгенія Борисовна побывала у К. П. Побѣдоносцева, который принялъ ее съ обычною любезностью и съ отмѣннымъ вниманіемъ къ ея планамъ. Когда же она завела рѣчь о матеріальной помощи этому дѣлу, Г. Оберъ-Прокуроръ поспѣшилъ ее успокоить знаменательными словами: „Работайте. Если дѣло будетъ, будутъ и средства“. Т. е.—комментировала со вздохомъ м. Екатерина—сначала сдѣлайте дѣло, а потомъ дадимъ средства... И въ этой нищетѣ приходилось работать не одну работу, приходилось дѣлать множество дѣлъ и всюду поспѣвать. Устраивая обитель, ведя обширную переписку, создавая планы построекъ и учебно-воспитательнаго дѣла, Евгенія Борисовна сама носила дрова и воду, сама ухаживала за первой купленной коровою и—сверхъ всего—„отправляла обязанности“ псаломщика. А эти обязанности были нелегки. О. Софроновичъ былъ строгій старикъ, любитель устава, вспыльчивый. Службы начинались

рано и были продолжительны. Приходилось даже вести церковное писмоводство, имѣть дѣло съ консисторіей. Не обходилось безъ добровольнаго соглядатайства со стороны „нѣкихъ отъ Іакова“.

„А тѣ пять сестеръ, которыя прибыли съ Вами, были Вашими дѣятельными помощницами?“ спросилъ я м. Екатерину.

— Онѣ очень скоро покинули меня. Одна вышла за мужъ, а остальные не выказали расположенія къ новому дѣлу. Была среди нихъ одна обычнаго типиконнаго настроенія: блюла строгую букву устава, который не мѣшалъ ей любить покупать, и ничего не дѣлала...

Были еще враги у возникавшей общины. Гдѣ сейчасъ находятся служебныя монастырскія постройки, была католическая деревушка. Крестьяне-католики, озлобленные, вредили новоприбывшимъ всѣми законными и незаконными путями, особенно же досаждали воровствомъ... Долго м. Екатерина хлопотала, пока добилась, чтобы ихъ выселили на отведенный имъ надѣлъ земли.

Это, конечно, слишкомъ неполное описаніе того подвига христіанской любви, какой подняла на себя игуменія Лѣснинскаго монастыря. И однако же легко по этимъ штрихамъ возсоздать картину начальныхъ дней Лѣснинской общины. Можно понять, что представшая работа потребовала отъ м. Екатерины напряженія всѣхъ силъ и давала ей полное нравственное удовлетвореніе. Она почувствовала, что дѣлала теперь настоящее, нужное дѣло, и ей казалось, что „всю предшествующую жизнь она жила только наканунѣ“.

Многое сдѣлано Лѣснинскою игуменею за годы, проведенныя ею въ своемъ монастырѣ. Въ настоящее время около нея болѣе 200 помощницъ, среди которыхъ много интеллигентныхъ. Тяжелые годы непрерывнаго напряженнаго труда, повидимому, не оставили слѣдовъ на ней. Ей нынѣ уже болѣе 50 лѣтъ, но ея бодрость и подвижность необычайны. Сколько мы исходили съ нею въ длинный день по саду, полю, постройкамъ и жилымъ помѣщеніямъ съ постоянными лѣстницами—и всюду едва поспѣвали за нею. Не менѣе физической энергіи сохранилось въ м. Екатеринѣ душевной живости и радости. Бесѣдовать съ нею—истинное наслажденіе. Рассказывая всю свою долгую жизнь, все перенесен-

ное ею, все снова переживая въ памяти, она невольно и въ выраженіи лица, и въ звукѣ голоса, и въ словахъ открывала такое сердечное участіе ко всѣмъ людямъ, съ которыми ей приходилось сталкиваться, что нельзя было не чувствовать всей глубины ея сердечной жизни. Любить м. Екатерина поговорить и по богословскимъ вопросамъ... Столь же интересно было бесѣдовать и съ м. Ниною и съ сестрами, завѣдующими школой. Все это люди, которые много передумали,—и каждая изъ нихъ за свою вѣру готова положить душу. Это создаетъ любопытную атмосферу живыхъ думъ, живого дѣла, которая столь отлична отъ среды мертвыхъ книгъ и чужихъ словъ. Здѣсь думаютъ по своему, думаютъ свою думу, думаютъ головой и сердцемъ. М. Екатерина собрала ихъ вокругъ себя и дала имъ дѣло. И сколько повсюду скрывается такихъ людей, которые только ждутъ, чтобы началось гдѣ нибудь живое дѣло, жаждутъ прикнуться къ доброму началу.

Личность м. Екатерины кладетъ свой отпечатокъ на все. Даже храмы свидѣлствуютъ о ея духѣ, о ея непрестанныхъ порывахъ къ свѣту и любви. Такъ карнизъ церкви во имя св. Софіи, при монастырской трапезной, украшается евангельскою надписью, которая начинается въ алтарѣ, обходитъ всю церковь и возвращается въ алтарь: „Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга: якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себе. О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою. Больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя“. Миниатюрная церковка во имя мучениковъ уніи, Антонія, Іоанна и Евстафія, это храмъ свѣта. Евангеліе въ рукахъ Спасителя, по правую сторону алтаря, открыто на словахъ: „Азъ есть свѣтъ міру“. Эта икона Спасителя, а равно и всѣ иконы, составляющія алтарную преграду, рисованы на стеклѣ и освѣщаются днемъ алтарными окнами, а ночью лампадками, поставленными такъ, что получается тотъ же свѣтовой эффектъ... Церковь въ честь Воскресенія бросается въ глаза своеобразнымъ устройствомъ: это только алтарь съ клиросами, поставленный на высокій склепъ. Все небольшое деревянное зданіе въ русскомъ стилѣ,—украшено узорнымъ куполомъ, и вся церковка цвѣтная. Съ большой площади предъ этою церковью-алтаремъ къ ней ведутъ три лѣстницы—

средняя священнослужительская, а двѣ боковыя назначены для причастниковъ, которыхъ по большимъ монастырскимъ праздникамъ бываетъ нѣсколько тысячъ: они поднимаются по одной лѣстницѣ и сходятъ по другой. Церкви Троицкая и Воздвиженская—старинные храмы. Изъ нихъ первая, небольшая, имѣетъ внутри колодезь, который, по преданію, образовался на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла груша съ иконою. Церковь по устройству простая, но смотрѣть въ широкій и глубокій колодезь, въ которомъ отражается куполь храма, доставляетъ рѣдкое удовольствіе. Съ одной стороны этого храма находится пристройка съ резервуарами для воды изъ колодца и окнами, въ которыхъ при праздничномъ стеченіи народа отпускается вода желающимъ ее получить. Вода считается цѣлебною. Съ другой стороны пристроенъ рядъ изъ 8 будочекъ-исповѣдаленъ, къ которымъ народъ предъ причастіемъ подходитъ съ площади. Главный монастырскій храмъ Воздвиженскій, бывшій католическій костелъ, можетъ быть названъ великолѣпнымъ по оригинальному внутреннему устройству. Четырьмя колоннами онъ раздѣляется на три части—широкую среднюю и двѣ боковыя. Алтарь средней части поставленъ очень высоко и къ нему ведетъ широкая величественная лѣстница. Иконостасъ однако низкій и лѣснинская святыня, утвержденная высоко на задней алтарной стѣнѣ, видна изъ храма. Примѣчательно, что алтарь не доходитъ до задней стѣны и, отдѣляясь отъ нея пространствомъ около двухъ аршинъ, ограждается деревянною рѣшеткою. Это не замѣтно изъ храма, да и находясь въ алтарѣ не сразу замѣтишь, что нельзя подойти къ иконѣ. Но это пространство за алтаремъ имѣетъ видъ корридора, по которому народъ идетъ, чрезъ боковыя двери, и во время богослуженія, нисколько не нарушая его, даже незамѣтно. Икона между тѣмъ спускается внизъ и богомольцы, ползушіе обычно по этому корридору на колѣняхъ, прикладываются къ святынѣ. У входа, во всю ширину главной части храма, устроены хоры.

Хорошо въ Лѣснѣ поють. Мы были въ Софійской церкви у ранней литургіи. Но и помимо того мы слышали лѣснинское пѣніе—въ главномъ монастырскомъ храмѣ.

Прошелъ рано начавшійся день, богатый впечатлѣніями и многими думами. Утомились и сестры на своихъ обычныхъ

тяжелыхъ работахъ... Величественный храмъ былъ скудно освѣщенъ нѣсколькими свѣчами съ хоръ, гдѣ помѣстились пѣвчія сестры. Внизу насъ было немного: м. Екатерина, м. Нина и мы двое—впереди задней правой колонны и нѣсколько сестеръ у лѣвыхъ входныхъ дверей... Съ высоты неслись стройные звуки христіанской молитвы и наполняли темную громаду красиваго храма. Робкій восковой свѣтъ терялся въ густомъ мракѣ и сильные звуки одни овладѣвали всей душой. Въ этой молитвѣ слышалась громкая хвала Богу, даровавшему силы нести эти труды, и дрожали въ ней слезы людского горя, и звучала любовь, могучая и радостная, и сквозила нѣжная надежда, по временамъ переходившая въ нетерпѣливый призывъ грядущаго Господа. И когда раздались трогательныя слова пѣсни „Се женихъ грядетъ въ полунощи и блаженъ рабъ, егоже обрящетъ бдяща“, то почувствовалось, какъ умѣстны здѣсь эти слова,—и сердце усиленно билось отъ наплыва волненій, связанныхъ съ христіанскимъ вопросомъ. Время отъ времени тихій шопотъ м. Нины спрашивалъ: „Не правда ли, у насъ поютъ совсѣмъ, совсѣмъ иначе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ“? И было ясно, что поютъ здѣсь иначе потому, что чувствуютъ здѣсь по своему и живутъ не какъ вездѣ. И съ жадностью внималъ я молитвѣ. Хотѣлось проникнуть въ ея глубину и открыть по ней то, что лежитъ у этихъ труженицъ на самомъ днѣ ихъ сердца, что скрывается можетъ быть отъ ихъ собственной ясной мысли въ дали души... Я не понимаю технической красоты музыки и пѣнія и ихъ дѣйствіе на меня сказывается въ усиленномъ переживаніи собственныхъ мыслей и собственныхъ чувствъ, часто слишкомъ далекихъ отъ словъ автора и мыслей композитора... И въ тѣ незабвенныя минуты я думалъ свою думу. Я думалъ: почему въ этой молитвѣ не слышится вѣры,—той мощной и твердой вѣры, которая угрожала сокрушить міръ и побѣдить его зло? Сюда, въ этотъ уголокъ, доносятся волны мірскихъ бѣдъ и страданій. Немногія жертвы мірской жизни, которыя едѣсь выбрасываются на берегъ, поднимаются милосердными сестрами: онѣ обмываютъ раны несчастныхъ, кормятъ голодныхъ, выхаживаютъ бѣдныхъ дѣтей. Но отчего такъ грозны и несокрушимы волны этого мірскаго моря? отчего оно такъ необъятно, а этотъ „вертоградъ“ такъ малъ

и такъ немощенъ? Почему кажется, что эти сестры вышли изъ пѣны людскихъ страданій, онѣ вырваны у Бога, какъ падучія звѣзды, силою горя и бѣдъ, онѣ сами подавлены этою силою?

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ

Для міра печали и слезъ...

Она прекрасна—эта душа, прекрасна и божественна, но почему она—нѣжный цвѣтокъ на крѣпкомъ древѣ міра, почему она такъ страстно зоветъ грядущаго Жениха, почему она такъ рвется изъ міра, которому она чужда? Гдѣ та вѣра, которая сама вышла бы въ міръ и увидала его у своихъ ногъ, вышла бы въ міръ съ надеждою измѣнить его, съ сознаніемъ своей силы пересоздать міръ, затопить своею любовью всю поверхность земли? Развѣ не въ этомъ единственно христіанство? Развѣ оно нынѣ только въ нѣжной женской душѣ и уже не имѣетъ мужской бодрости?..

М. Тартевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
